

Глава 1

Перед смертью у Гун Чэня вырвали бессмертные кости.

Их было одиннадцать, но он лишь однажды сдавленно застонал — когда лишился кости в правой ладони.

Она росла с тыльной стороны правой руки — полупрозрачная, чистая, точно выточенный полумесяц.

— Кость меча?!

— У него откуда-то кость меча?

— Да ведь говорили же, что у него нет и капли таланта к фехтованию! Откуда тогда взялась эта кость?

— Кто его знает. Впрочем, теперь без неё ему меча в руках не удержать до конца своих дней.

— Ха! Да разве у него остался хоть один день?

У Помоста Наказания Зла яблоку негде было упасть. Стоило кости меча явиться миру, как по толпе прокатился взволнованный гул, который, впрочем, быстро затих. В конце концов, Гун Чэнь уже стоял на пороге могилы.

Палачом же вызвался его бывший двоюродный брат — младший господин клана Дуань, Дуань Цинь.

Сквозь заливавшую глаза кровь Гун Чэнь различил знакомые черные сапоги с золотым шитьем по краю. Их когда-то сшила своими руками мать Дуань Циня. Женщина, которую Гун Чэнь собственноручно лишил жизни.

Щека Гун Чэня едва заметно дрогнула. Собрав остатки сил, он перевернулся на бок, и одиннадцать рваных ран на его теле отозвались неистовой, разрывающей болью. Лицо исказила судорога, но он не издал ни единого звука.

Цепляясь пальцами за истерзанные доски помоста, он сантиметр за сантиметром потащил вперед свое искалеченное тело.

Черные сапоги ступали прямо по кровавому следу. Шаг за шагом они неотступно следовали за ним, словно вестники самой смерти.

В толпе у подножия помоста раздались тяжелые вздохи.

Когда-то эти двое были не разлей вода — плечом к плечу они странствовали по Поднебесной, искореняя нечисть и защищая праведный Путь. И когда Дуань Циня подчинил себе злой дух, едва не утянув в пропасть, именно Гун Чэнь, рискуя собственной жизнью, вытащил его из бездны и хлесткой пощечиной вернул ему рассудок.

Но со временем дружба дала трещину. Начались раздоры, взаимные обиды, и в конце концов всё свелось к этому: один пресмыкался в пыли, а второй, сжимая рукоять меча, холодно шел следом, готовый нанести последний удар.

Наконец Гун Чэнь замер, лишившись последних сил. Дуань Цинь, чье терпение окончательно иссякло, наступил ему сапогом на плечо и неторопливо процедил:

— Я ведь предупреждал, что ты сдохнешь именно от моей руки...

Договорить он не успел. Внезапно ощутив неладное, юноша резко отпрянул. Его зрачки сузились, ладонь мелко задрожала, и верный клинок со звоном выпал на настил помоста. Окружающие недоуменно переглянулись.

В этот миг издалека донесся пронзительный, срывающийся крик:

— Лампа жизни грешника Гун Чэня угасла!

— Он мертв! Прекратить казнь!

Мертв?

Над площадью повисло тяжелое молчание, которое вдруг прервал чей-то громкий хлопок по бедру:

— А я говорил! Чего ради он полз, когда смерть уже дышала в затылок? Наверняка заранее принял яд и просто тянул время, пока тот подействует!

Очевидная истина, дошедшая до толпы, ураганом пронеслась в голове Дуань Циня еще в ту секунду, когда он перестал ощущать дыхание пленника. Вот только яд тот принял не заранее. Гун Чэнь раздавил скрытую во рту капсулу лишь тогда, когда увидел перед собой двоюродного брата, окончательно оборвав последнюю нить, связывавшую его с жизнью.

«И что это значит?»

«Когда его двое суток подвергали изощренным пыткам, он цеплялся за жизнь. Когда из его тела вырывали одну кость за другой — терпел. Так почему именно сейчас?..»

«Ты, Гун Чэнь, совершил чудовищные злодеяния! Твоя смерть — избавление для мира, любой имеет право презирать и мучить тебя! Но почему именно мне ты не позволил довести дело до конца?!»

Красивое, мертвенно-бледное лицо Дуань Циня исказилось от безумной ярости. Он взмахом руки вернул клинок в ладонь, собираясь искромсать бездыханное тело, чтобы выместить злость, но в этот момент на помост стремительно взлетела фигура в белоснежных одеждах.

— Молодой господин Дуань, остановитесь, — раздался ровный голос. — Вы прекрасно знаете законы своего клана: пока враг жив, с ним можно творить что угодно. Но осквернение мертвой плоти навлечет на вас страшное проклятие. Неужели вы так жаждете этой участи?

Дуань Цинь вперил яростный взор в подошедшего юношу с тонкими, изящными чертами лица.

— Кэ Суй, — ледяным шепотом произнес он, — это твоих рук дело? Ты дал ему яд?

— Какая разница, я или нет? Он в любом случае был обречен, — искренне удивился Кэ Суй.

— Он должен был жить! — выкрикнул Дуань Цинь, чьи глаза покраснели от гнева. Направив острие меча в грудь лекаря, он прорычал: — Я должен был забрать его жизнь сам!

— Я мечевой лекарь, а не бессмертное божество.

Кэ Суй бросил взгляд на дрожащее перед его лицом лезвие, слегка приподнял подбородок и позволил себе едва заметную, издевательскую усмешку:

— Мертвых не вернуть, молодой господин Дуань. Примите мои... глубочайшие соболезнования.

— К черту твои соболезнования! — взревел Дуань Цинь и бросился в атаку.

Завязался яростный бой. Уворачиваясь от смертоносных выпадов, Кэ Суй тяжело отбивался и кричал столпившимся внизу слугам:

— Быстрее! Забирайте тело Гун Чэня и бросайте его в Оскверненные земли!

— Кто посмеет?! — не своим голосом взвыл Дуань Цинь, чьи глаза налились кровью.

— Не слушайте его! — надрывался Кэ Суй. — Уносите труп! Живее, мать вашу!

Под свист стали и в царящем хаосе тело Гун Чэня наспех переложили в тяжелый гроб. Намертво заколов крышку, его сбросили с обрыва. С оглушительным грохотом домовина рухнула в бездну Оскверненных земель, мгновенно скрывшись под завалами камней и грязи. Пожалуй, лучшей могилы для отступника и представить было нельзя.

Зато вокруг наконец воцарилась долгожданная тишина.

«Надо же, мне даже выделили целый гроб», — с легкой долей умиления подумал Гун Чэнь.

Впрочем, заслуживал он этого или нет — дело десятое. Главное крылось в другом.

Он был жив.

«Если говорить точнее, угасла лишь жизнь в искусственном теле, которое я для тебя создал. Твое сознание и духовная сущность невредимы. Когда шум уляжется, я верну твою душу в настоящее тело, которое сейчас надежно спрятано».

Несколько дней назад верный друг Гун Чэня, изнуренный многодневными поисками в древних фолиантах, обзаведшийся пугающими тенями под глазами, облегченно вздохнул:

— Будем считать, что план по твоему спасению удался.

— Замысел прекрасен и звучит на удивление просто, — вежливо поинтересовался тогда Гун Чэнь. — Вот только каковы наши шансы на успех?

— Трудно сказать, — честно признался лекарь.

— Да ладно тебе, — легкомысленно отмахнулся Гун Чэнь. — Раз уж у нас есть хотя бы крошечный шанс выкарабкаться, я уже несказанно рад.

— Рано радуешься, — со всей серьезностью осадил его друг. — Эта мысль пришла мне в голову лишь прошлой ночью. Я никогда не проверял её на практике, так что и шансом это назвать сложно.

Гун Чэнь ненадолго лишился дара речи, но затем мягко улыбнулся:

— Что ж, знал бы, где упаду — соломки бы подстелил. Лучше бы я не спрашивал.

Теперь, когда яд оборвал жизнь фальшивого тела, а его собственная душа осталась цела и невредима, Гун Чэнь первым делом почувствовал гордость за своего товарища.

— Кэ Суй, — мысленно обратился он к другу, используя тайную технику передачи голоса, — ты превзошел сам себя. Ты настоящий гений.

— Твой ненаглядный братец тоже тот еще гений, — тут же отозвался лекарь, уловив колебания его духа.

— А с ним-то что не так? — насторожился Гун Чэнь.

— Да он просто умалишенный, — раздраженно фыркнул друг. — Пока ты дышал, он спал и видел, как бы тебя четвертовать. А стоило тебе испустить дух, как у него физиономия так задергалась, будто он сейчас разрыдается. Перед кем он эту драму разыгрывает?

Гун Чэнь едва заметно улыбнулся.

— Он с малых лет такой. Характер упрямый, вечно скрывает истинные чувства, словно...

На полуслове он вдруг осекся и погрузился в глубокое молчание.

Не заметив этой заминки, Кэ Суй сменил тему:

— Оскверненные земли надежно скроют следы твоего присутствия, но место это гиблое и опасное. Тебе придется переждать там целый месяц, пока дух полностью не освободится от оков искусственной плоти. Если что-то пойдет не так, сразу же дай мне знать.

— Понимаю, — рассеянно отозвался Гун Чэнь. — Пока меня не будет, пригляди, пожалуйста, за Дуань Цинем. И еще...

— За кем еще? — не понял лекарь.

— Да нет, забудь, сорвалось с языка, — смутился беглец. — На этом всё, не буду отвлекать тебя от дел.

Кэ Сую действительно нужно было возвращаться к приготовлениям к грядущему ритуалу, так что связь вскоре прервалась.

Пока у него был собеседник, месяц казался сущим пустяком. Но стоило остаться наедине с могильной тишиной, как томительное ожидание навалилось на него всей своей тяжестью. Душа была заперта в неподвижном теле, а само тело покоилось в тесном гробу глубоко под землей. Бездействие сводило с ума.

К слову, гроб этот был непростым. Все члены клана Дуань с рождения обладали способностью

общаться с потусторонним миром. Из-за постоянного контакта с нечистью их мертвые тела легко превращались в злобных тварей. Любой, кто прикасался к ним, навлекал на себя несчастья, а попытка осквернить прах сулила страшные проклятия. К тому же тела членов этого клана нельзя было предавать огню — только земле.

По этой причине едва новорожденный член семьи Дуань появлялся на свет, родители заказывали для него персональную домовину, покрытую защитными рунами. Из года в год эти запретные печати укрепляли, чтобы после смерти физическая оболочка была надежно запечатана и не могла причинить вреда живым.

Столь могущественный и овеянный славой праведников клан из поколения в поколение нес великое бремя. Они охраняли Стелу Облачной Зелени — священный рубеж, разделяющий Царство людей и Царство призраков. Из-за вечной леденящей тьмы, исходившей от камня, в радиусе сотни ли вокруг не росло ни единой травинки, а живые обходили эти безмолвные пустоши стороной.

Гун Чэнь стал двадцать седьмым Хранителем стелы.

Но на третий год его служения...

Стела Облачной Зелени раскололась.

Легионы призраков и демонов хлынули в мир живых, оставляя за собой горы трупов и реки крови. Тогда бушевала страшная метель, но за сутки непрекращающийся снегопад так и не смог укрыть саваном масштабы этой резни.

«Грешник Гун Чэнь неоднократно оставлял свой пост без дозволения, а после вступил в преступный сговор с обитателями Царства призраков, что привело к разрушению печати. Помыслы его черны, а вина неоспорима. Он заслуживает лишь смерти».

«Гун Чэнь, признаешь ли ты свои преступления?»

«Нет. Я не виновен».

«В чем же твоя правда?»

«Во всем».

«Какое поразительное упрямство! Одиннадцать десятков тысяч невинных душ пали из-за тебя. Их покой мы омоем твоими одиннадцатью костями».

«Отправляйся в преисподнюю, Гун Цзиньюй».

У-у-у...

Р-р-а-а...

Послышался глухой, зловещий вой.

Почувяв неладное, Гун Чэнь мгновенно прервал медитацию. Хотя его искусственная оболочка по-прежнему оставалась неподвижной, внутренний взор устремился наружу.

Возможности его восприятия сейчас были крайне ограничены, однако он отчетливо ощущал, как над поверхностью земли сгущается зловещая, ледяная иньская миазма.

Объяснений могло быть два. Либо обитающие в Оскверненных землях свирепые духи почуяли свежую плоть и стягивались к его гробу, либо сюда забрел живой человек, став приманкой для окрестных тварей.

В любом случае, расклад не предвещал ничего хорошего.

Гун Чэнь уже собирался воззвать к Кэ Сую, как вдруг удушливая, плотная пелена иньской миазмы бесследно рассеялась в одно мгновение.

Вместо нее прямо над ним, всего в нескольких чжанах, разверзлась неодолимая, яростная волна духовного меча.

Эта беспощадная, хаотичная и сокрушительная сила в мгновение ока стерла в порошок любые проявления темной энергии в округе, не оставив от тварей и мокрого места.

— Что-то случилось? — послышался встревоженный голос Кэ Суя. Духовная метка беглеца в его разуме вспыхнула, но ответа долго не следовало.

Лишь спустя изрядное время Гун Чэнь глухо выдавил:

— Всё в порядке.

Перебирая целебные коренья, лекарь с сочувствием спросил:

— Тебе, должно быть, просто нечем заняться, а отвлекать меня не хочется?

Тот промолчал, явно пребывая где-то очень далеко.

— Да ты не стесняйся, — попытался приободрить его друг. — Если станет совсем неважно, зови меня в любое время. Хочешь, я зачитаю тебе наизусть все девять тысяч названий из «Великого свода лекарственных трав»? Или выберем тему поинтереснее?..

— Пожалуй, обойдемся без чтений, — со сдавленным стоном отозвался Гун Чэнь, словно у него внезапно разболелись зубы.

Кэ Суй тут же отложил пучок трав в сторону:

— Что случилось?

— Кажется... кто-то раскапывает мою могилу.

Впрочем, назвать это полноценным захоронением было сложно — обычная яма, наспех заваленная комьями земли и битым камнем.

Но сейчас эта наспех набросанная земля стремительно разлеталась в стороны под яростными порывами ветра, рожденного силой чужого клинка. Спустя мгновение на дне ямы обнажилась крышка тяжелого гроба из черного дерева.

Качество работы превзошло все ожидания: полет в бездну ущелья лишь слегка ободрал лак, но сам остов остался невредим. Каждая щель была плотно подогнана, и от этого молчаливого черного монолита веяло мрачным, пугающим холодом.

Сверху в яму кто-то спрыгнул.

Раздался тяжелый, глухой удар ног о землю.

Кэ Суй похолодел от неожиданности:

— Тебя действительно откапывают?! Назови точное место, я сейчас же отправлюсь в путь!

— Поздно пить боржоми, — вздохнул Гун Чэнь. Его дух содрогнулся в унисон с очередным сокрушительным ударом снаружи, а фантомная зубная боль вспыхнула с новой силой. — Думаю, к твоему приходу от меня останется разве что горстка костной муки.

— Не переживай, — попытался приободрить его лекарь. — Из какого бы месива тебя ни пришлось доставать, я соберу тебя по кусочкам и скую заново.

— Премного благодарен...

— И всё же, — в голосе Кэ Суя прорезалось нескрываемое любопытство, — кому ты так насолил, что тебя даже в могиле в покое оставить не желают?

На этот раз Гун Чэнь не стал скрывать правду и наконец произнес имя, которое до этого дважды застревало у него в горле:

— Мой старший соученик по временам обучения на Небесах Пурпурной Кости. Сюй Цыань.

— Ого... — Кэ Суй шумно выдохнул. — Это тот самый безумец, который семь лет назад гонял тебя по всей вершине горы Тяньлин и совершил вокруг нее восемь кругов в безуспешных попытках прикончить?

Договорить он не успел.

Снаружи обрушился яростный удар ноги. Защитные печати, которые с самого рождения Гун Чэня укреплялись на протяжении двадцати пяти лет, вспыхнули алым пламенем. Запретные руны заматались по дереву, напоминая мириады встревоженных огненных муравьев.

Ба-бах!

Второй удар разнес древнюю защиту в щепки.

Гун Чэнь онемел от изумления. Он не успел вымолвить ни слова, чтобы излить Кэ Сую накопившуюся желчь в адрес Сюй Цыаня, как тяжелая дубовая крышка полетела в сторону.

Прямо на него опустился ледяной, почти осязаемый взгляд, пригвоздив безжизненное тело к дну гроба.

Увидев перед собой суровый, точно высеченный из глыбы льда лик Сюй Цыаня, Гун Чэнь почувствовал, как его духовную сущность пробрал неистовый озноб.

«Мне крышка», — мелькнуло в голове.

<http://bllate.org/book/20729/2105696>